

«Не припомню вас».

Спустя годы Не Чжэн признает: ляпнул глупость, совершенно не подумав. Но в тот вечер ему было не до вежливости и уж точно не до паренька, вернувшего бумажник. Не Чжэном владело единственное желание — добраться до постели и забыться сном.

Когда представительский седан мягко тронулся от ворот больницы, секретарь с беспокойством покосилась на шефа.

— Как вы себя чувствуете, господин Не?

О безупречных манерах и врождённом аристократизме Не Чжэна среди его знакомых ходили легенды. Сдержанность его граничила с суровостью. Рассказывали, что незадолго до его возвращения на родину дядя закатывал банкет в частном саду старейшины Чжао. К полуночи хмельные гости окончательно потеряли голову, но стоило Не Чжэну переступить порог, как даже самые отпетые кутилы мгновенно присмирели. И хотя он великодушно разрешил продолжать, золотая молодёжь из дружественных кланов поспешила вернуть себе благопристойный вид — срамиться перед ним никто не желал.

Теперь же всегда безупречно собранный господин Не изнурённо откинулся на кожаную спинку сиденья и прикрыл глаза.

— Всё в норме.

Конечно, в норме. Станет Не Чжэн жаловаться. Кабы его не штормило так, что плыло перед глазами, разве выронил бы он бумажник? Разве упустил бы из виду такую мелочь?

Секретарь скользнула взглядом по циферблату — стрелка подбиралась к римской девятке, а босс за весь день маковой росинки во рту не держал.

— Желаете поужинать? — осторожно спросила она.

Ответ последовал незамедлительно и не удивил её ни капли:

— Только то, что прописал врач.

Никаких капризов и поблажек себе — исключительно холодный расчёт и польза.

— Хорошо, — кивнула она.

Задержав на секунду взгляд на его волевом, резко очерченном профиле, женщина мысленно

вздохнула. Нынешнее происшествие можно было списать на нелепую случайность. Причину госпитализации Не Чжэна легко уложить в одно-единственное слово, но вот его предыстория... Тут, пожалуй, чёрт ногу сломит.

Не Чжэн летал в центральный город С на деловую конференцию, обратный рейс намечался на восемь вечера. Но днём, когда они ещё оставались в отеле, раздался звонок из семейного гнезда: у матери Не Чжэна случился приступ стенокардии. Дама лишилась чувств на светском рауте, устроенном в кругу Лао Не.

Они спешно поменяли билеты на ближайший рейс и помчались назад, стгорая от тревоги.

Однако госпожа Не, которую телефонные вестники уже едва ли не уложили в гроб, обнаружилась вовсе не в постели. Она с безупречной осанкой стояла на коленях перед алтарём Бодхисаттвы в домашней молельне. Дама снова изводила себя, и причиной тому предсказуемо послужили художества Лао Не на стороне.

Окна были наглухо заперты. В полумраке молельни плыли сизые струйки благовонного дыма, веяло склепом и тоской. Госпожа Не даже взгляда не удостоила вошедшего сына.

Зато крутившаяся подле неё пожилая нянька поспешила вывалить на Не Чжэна скорбные подробности: дескать, пассия Лао Не тоже припёрлась на приём, а под конец и вовсе бесстыдно увела благоверного с собой, откровенно наплевав на законную супругу.

Лао Не кобелировал с молодых ногтей, девки вокруг него вились неиссякаемым роем.

Мать же Не Чжэна являла собой зрелище жалкое и одновременно поразительное. Настоящая аристократка, любимая дочь старейшины Чжао, выйдя замуж за этого ходока, она умудрялась совмещать неукротимую войну с любовницами и поистине христианское всепрощение к непутёвому супругу. Двадцать лет терпеть скотское отношение — если это не великая любовь, то клиническое безумие.

Сам Не Чжэн вырос под крылом деда и уродился совсем в другую породу. Ни пылким влюблённым, ни ловеласом он не был, плотские страсти его не волновали от слова «совсем». Пытаться растолковать ему тонкости семейного садомазохизма было затеей столь же нелепой, сколь и бесполезной.

И точно: молча выслушав стенания няньки, Не Чжэн постоял немного за спиной матери, а затем выдал простое и лаконичное решение:

— Спрошу ещё раз. Вы по-прежнему отказываетесь от развода?

Мать сухо процедила:

— Убирайся.

Они застыли друг напротив друга: одна — на коленях, прямая как стрела, другой — непоколебимый, точно скала. Столкнулись две бездны упрямства. В молельне воцарилась удушливая, зловещая тишина.

Нянька торопливо засуетилась, пытаясь сгладить углы:

— Помилуйте, молодой господин! Матушка с батюшкой вашим — супруги с молодых ногтей, седые волосы скоро, негоже им из-за приبلудных шалав грызться. Это всё Мин Сюань, ирод, присосался к барину клещом. Ну зарезали вы финансирование его фильмам, а толку-то? С глаз бы его сжить, тогда бы и хозяйка успокоилась. Да ещё этот стервец Чжэн Чжаохуа...

Не Чжэн слыл эталоном порядочности среди своего круга, а в бизнесе привык иметь дело исключительно с акулами. Заставлять этого хладнокровного стратега опускаться до бабских визгов, разборок с любовницами и травли бастардов — фарс чистой воды.

И тут в мёртвой тишине раздалось вкрадчивое:

«Мяу-у...»

Секретарь на автомате крутанула головой. Из-за резного бока алтарного шкафа неспешно выплыл роскошный бирманский кот в пушистой белоснежной шубе.

Она уже дёрнулась было вперёд, чтобы прогнать тварь, но ледяной взгляд Не Чжэна пригвоздил её к месту.

Сам он даже не шелохнулся. Монументальный, широкоплечий, с прямой, как струна, спиной, он подавлял одним своим присутствием.

— Год, — не оборачиваясь, бросил он. — Дайте мне год, и я закрою эту тему раз и навсегда.

Уже на выходе из особняка секретарь с ужасом заметила, что шея босса и кожа вокруг глаз стремительно покрываются багровыми волдырями. В салоне автомобиля Не Чжэн нацепил солнцезащитные очки, маскируя слабость, и ровно приказал водителю:

— В ближайшую клинику.

Так они и оказались в этой заурядной городской больнице. С раннего детства Не Чжэн страдал от тяжелейшей аллергии на кошачью шерсть — в два года первый приступ едва не свёл его в могилу.

Мать об этом, похоже, и не вспомнила. Или ей просто было плевать на всё, что не касалось козней Лао Не.

Впрочем, в сочувствии Не Чжэн не нуждался никогда.

Переступив порог квартиры, он на ходу спросил:

— Во сколько завтра встреча со старейшиной Сюем?

Сюй состоял в совете директоров «Юньсин». Секретарь, привыкшая к патологическому трудоголизму патрона, ответила на автомате:

— В десять утра.

— Отлично, — кивнул Не Чжэн. — Свяжись с председателем. Передай, что его присутствие обязательно.

Помощница на секунду зависла. «Председатель» — это Лао Не. Аудиенция была запланирована давно, и появление на ней отца не предвещало ничего хорошего. Похоже, утренний концерт матери переполнил чашу терпения Не Чжэна. Время пришло. Он начинает игру.

Она полезла в карман и извлекла оттуда небольшой предмет.

— Бережёного бог бережёт. Может, всё-таки возьмёте?

Припомнив тех двоих, которых хозяйка требовала извести руками сына, она добавила:

— Говорят, от сглаза и мелких пакостников защищает.

В её ладони лежал охранный амулет, который дед Не Чжэна лично выхлопотал у какого-то именитого наставника. Крупные азиатские дельцы поголовно повёрнуты на мистике. В этом году Не Чжэн вступал в противостояние с великим божеством Тай-Суй, причём, если верить его натальной карте, расклад выходил скверный. Помощница всегда крутила пальцем у виска при виде подобного мракобесия, но в январе вечно пышущий здоровьем босс внезапно слёг со страшной лихорадкой, а сегодня его едва не отправил на тот свет пушистый комок. Тут поневоле уверуешь в судьбу.

Не Чжэн даже шагу не замедлил, лишь ожёг её презрительным взглядом, безмолвно вопрошавшим: «И на эту чушь ты променяла диплом престижного вуза?»

Сгорая от стыда, секретарь поспешно засунула безделушку обратно в карман.

Ей и в голову не могло прийти, что этот железный человек, способный выдержать любой удар судьбы, всю жизнь будет послушно ложиться под ноги одному мелкому, вздорному существу.

Выходные пролетели мигом. Тун Янь с матерью наконец-то привезли больного отчима домой. А во вторник ни свет ни заря нарисовался импресарио Хуан — разумеется, с требованием явиться на ковёр и получить люлей.

Тун Янь буркнул в трубку:

— Я твою колымагу пальцем не трогал.

И пусть не заикается про свидетелей. Белый цветок пропал с радаров ещё в субботу, телефон выключен — гнида ожидаемо дала заднюю.

— Послушай, щенок, — процедил Хуан. — Явишься по-хорошему, отвалишь бабки за ремонт, получишь пару раз по зубам для профилактики — и свободны. Будешь ерепениться — я ментов к тебе на хату натравлю.

Тун Янь молча повесил трубку.

В одиннадцать утра он сидел на корточках посреди двора и остервенело драил одежду. На пороге нарисовалась его мамаша, Тун Яньнянь, щедро заштукатуренная дешёвой косметикой.

— Ты эти шмотки уже третий раз полощешь. Никак не отстираешь?

При одном упоминании этой темы Тун Янь мрачнел ещё сильнее. Вспомнилась субботняя охота на Не Чжэна: мало того что к богачу подмазаться не вышло, так ещё и в лужу сел. Жижа из-под колёс оказалась ядерной — въелась намертво во все швы, оставив на куртке и брюках несмываемые бурые подтёки. Единственный парадный костюм коту под хвост.

— Сегодня безвылазно дома? — спросила мать.

— Да ну его. Актёрская ляпка не по мне, завязываю.

Тун Яньнянь равнодушно пожала плечами:

— Ну и хрен с ним. Работа как работа, везде спину гнуть надо.

Но бросай не бросай, а жрать на что-то надо. Бедность — штука паршивая, но сидеть без дела

на жопе ровно — верная гибель. Тун Янь наскоро ополоснул лицо, вскочил на велосипед и покатил на поиски хоть какого-то заработка.

Стоило миновать калитку, как в спину полетел ехидный оскал соседской кумушки:

— Батюшки, неужто сам народный артист соизволил на улицу выйти?

Тун Янь даже бровью не повёл:

— И вам не хворать, уважаемая.

— Ну и когда миллионы лопатой грести начнёшь? Лао Чжан вон последние трусы из-за твоей мамы спустил, всё до копейки ей скормил.

Тун Янь хмыкнул, дал велосипеду проехать пару метров, а потом резко затормозил и обернулся к хабалке:

— А вы за мою семью не переживайте. Сами-то вон уж десяток лет свой «стартап» на диване развиваете, никак гробовые предков до конца не прожрёте.

Соседку аж перекосило от ярости, она заверещала на весь переулок.

Так тебе и надо, сука. Нехрен рот на чужую мать разевать.

Уже перед самым выездом на трассу он спохватился, что забыл ключи от дома. Развернув велик на месте, Тун Янь покатил обратно и застал мать на пороге. Тун Яньнянь уже успела сменить домашнее на «выходное»: натянула облегающее вязаное платье не по сезону, в котором со своими телесами выглядела как дешёвая колбаса в сетке. Активно виляя бёдрами, она поплыла вглубь подворотни.

У Тун Яня засосало под ложечкой. Он тихо поплёлся следом.

Ну точно. Ковыляет к Лао Чжану.

Он налёг на педали, заложил крутой вираж и с визгом покрышек заблокировал дорогу прямо перед её носом. На губах поигрывала наглая ухмылка уличной шпаны.

Тун Яньнянь отвесила ему затрещину:

— Жить надоело, оболтус?!

Забрав дома ключи, Тун Янь выудил из кармана потёртый кошелёк, выгреб оттуда все только что полученные сотни и силой впихнул в ладонь матери.

— Держи. Спустишь — свистни, ещё принесу.

— Да есть у меня, — вяло отнекивалась мать, пытаюсь рассмотреть содержимое его кошелька.
— Сколько тут? Себе хоть на проезд оставил?

— Оставил, не пропаду, — отрезал Тун Янь и рванул прочь.

— Ах ты ж паршивец! Здоровый лоб, а с двадцатью юанями в кармане разгуливаешь! — донеслось вдогонку.

Тун Янь притормозил у самой калитки, на секунду завис и, обернувшись, тихо сказал:

— К Лао Чжану не суйся. Эта шваль тебе не чета.

На большее его не хватило. Дальше лезть — только душу ей бередить. Каким именно промыслом мать кормила его все эти годы, он прекрасно знал. Осуждать её у него рука не поднималась.

Потому он сейчас и крутил педали так, словно за ним черти гнались. Дорога вела в офис агентства. Даже если там его ждал сущий ад — плевать, он выдержит. Ему позарез нужно выбиться в люди, доказать этой жизни, что они с матерью чего-то стоят. Чем сильнее их втоптывали в грязь, тем яростнее в нём горело желание подняться на самую вершину и плюнуть сверху в эти сытые хари.

На тротуаре под одним зонтом жалась друг к другу парочка в школьной форме — видать, со свистом наплевали на уроки в соседнем лицее. Ровесники, не старше его.

Колючая изморось секла лицо, смешиваясь с испариной. Тун Янь выдавил кривую усмешку:

— Тьфу, сопливые придурки.

Он зло размазал воду по щекам рукавом куртки.

В агентстве обошлось без сюрпризов. Тварь по фамилии Хуан караулил его прямо у дверей репетиционного зала. И как бы Тун Янь ни хорохорился по дороге, при виде тяжёлой бейсбольной биты в руках менеджера по спине пробежал неприятный холодок.

И всё же он попёр напролом. Договорить ему не дали — Хуан мёртвой хваткой вцепился в

воротник его куртки и бесцеремонно поволок внутрь, не обращая внимания на толпу глазеющих стажёров.

— Если я из тебя сегодня всю душу не вытрясу, считай, я зря этот хлеб ем, щенок. На куски порежу.

Тун Янь лишь стиснул зубы. Просить пощады или пресмыкаться гордость не позволяла. Кажется, сегодня его действительно разделают под орех.

— Что тут за цирк? — раздался от двери негромкий, но властный голос.

«Слепой, что ли? Убивают тут!» — мысленно огрызнулся Тун Янь.

Зато Хуан, мазнув взглядом по дверям, мгновенно отпустил его ворот. Свирепая мина на его роже в долю секунды сменилась лакейской улыбочкой:

— Помощник Чэнь! Какими судьбами к нам на этаж?

— Я по делу. Кто из вас Тун Янь?

Тун Янь нехотя поднял голову. Стоявший перед ним мужчина в безупречно сидящем костюме-тройке так и лучился уверенностью. От него за версту пахло большими деньгами и властью — птица явно из топ-менеджмента с верхних этажей.

— Я Тун Янь, — хмуро буркнул парень.

Мужчина брезгливо скользнул взглядом по застывшему Хуану, подошёл вплотную к Тун Яню и протянул ему два плотных бумажных пакета с фирменным логотипом.

— Господин Не просил передать это вам лично.

У Хуана вытянулось лицо, а краска мгновенно сошла со щёк:

— Какого... какого именно господина Не?

— Хм. А на кого я, по-вашему, работаю? Разумеется, господина Не Чжэна.

У Тун Яня в мозгу словно хрустальный колокольчик звякнул. Над головой будто вспыхнул нимб, разгоняя скопившуюся тьму. Спасение пришло откуда не ждали.

Внутри обнаружился новенький комплект одежды. Чёрт возьми, а этот Не Чжэн чертовски внимателен! Он не просто запомнил его, он обратил внимание на испорченные грязью вещи! И даже умудрился раскопать его имя! Мать твою, вот это уровень! Какая дотошность, какой масштаб! Не чета местным сошкам.

После визита личного помощника Не Чжэна расклад сил в репетиционном зале изменился в одно мгновение.

Тун Янь бесцеремонно хапнул побледневшего менеджера за загривок и поволок в сторону раздевалки.

— Ну куда же вы, дядя Хуан? Пойдите. Я ведь по вам скучал не на шутку, спать спокойно не мог.

Затолканный в угол Хуан прошипел сквозь зубы:

— Слышь, пацан... Не наглей. Земля круглая, не плюй в колодец.

Чушь собачья! Кто из них хоть раз думал о пощаде, когда втапывал его в грязь?

Тун Янь снисходительно, с оттяжкой похлопал импресарио по щеке:

— Где мои бабки, спрашиваю?

Видя, как тот с перекошенной рожей дрожащими пальцами достаёт лопатник, парень просто вырвал его из рук. По-хозяйски отсчитал шесть хрустящих, новеньких сотенных бумажек, оставив в недрах кошелька лишь ворох засаленной, мятой мелочи.

Что там этот боров вякал перед входом? Что если не проучит его, то пойдёт жрать говно? Точно! Какая, однако, самокритичность.

— Да ну, говно — это слишком мерзко, негоже вам рот пачкать.

Тун Янь выдернул из лопатника оставшиеся засаленные бумажки и одним махом запихнул их прямо в разинутую пасть онемевшего менеджера. Глаза парня сузились в хитрой, издевательской улыбке.

— Деньги — грязь, конечно, но куда приятнее на вкус. Кушайте, дядя... Ну же, жуйте давай!